
ИСТОРИЯ ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЛИТЕРАТУРА XVII–XVIII вв.

УДК 821.161.1

DOI: 10.31249/lit/2025.02.07

ОСОКИН М.Ю.¹ «И НА ПРЕКРАСНОГО М: ПОХОЖ!» ЗАГАДКА «САТИРЫ НА ПЕТИМЕТРА» И «ЕПИСТОЛЫ К ТВОРЦУ САТИРЫ НА ПЕТИМЕТРОВ»[©]

Аннотация. Статья предлагает решение проблемы авторства анонимной «Епистола к творцу сатиры на петиметров» и комментариев к самому энigmatическому фрагменту «Сатиры на петиметра» И.П. Елагина (1753). Сатира была рукописной и не рассчитанной на печать, и полемические отклики на нее, в том числе инициированные И.И. Шуваловым возражения Ломоносова, расходились в рукописях. «Епистола» стоит особняком, поскольку это единственный текст елагиномахии, который был напечатан. Это трактат в стихах с разбором сатиры, рассудительными примечаниями и основательной критикой ее с позиций буалоизма, в котором обнаруживаются аргументация и все слагаемые уникального стиля Ф.И. Дмитриева-Мамонова, вступившего уже в литературу: он сочинил «Надписи к изображению Петра» по образцу ломоносовских, «много изрядных стихотворений», а в 1753 г. отправил в публику рукописный перевод «Психеи» Лафонтена. «Епистола», ориентированная на ломоносовский, а не сумароковский канон версификации, полна насильственных ударений, возведенных Мамоновым в принцип метризации, и пространных прозаических сносок к стихам, в которых проявились характерная для него въедливость при разборе чужих ошибок, привычка указывать в ссылках «листы», неприятие нарушения иконографии, «смещения

¹ **Осокин Михаил Юрьевич** – кандидат филологических наук, независимый исследователь, Саттахип (Таиланд); mike.osokin@gmail.com

© Осокин М.Ю., 2025

материй» и ананкастическая фиксация на порядке, свойственные его классицистической программе. Елагинский плагиат из Буало квалифицируется в «Епистоле» как «весьма непристойный и позорный»: «Издатель коль слыть хочешь, не тронь мысли чужей». Теснее всего формулировка сближается с мамоновской «Эпиграммой к попугаю» на любителя «щеголять чужим умком»: «Но мысли взять других всего что есть стыднея». Текст замкнут на книгах, отгорожен от полемики и стремится к автономности от общей дискуссии, хотя de facto учитывает чужие аргументы, в первую очередь ломоносовские. Повышенное внимание к сатире со стороны Мамонова объясняется тем, что именно он подразумевался в ней под «прекрасным М.», который представлялся объектом вождения «бешеных кокеток». Отвечая на елагинский выпад, Мамонов критикует сатиру за памфлетность и неправдоподобие и, вслед за Буало, предпочитавшим правдоподобие правде, полагает целью сатиры передавать «саму только важность», не избирая «легкость».

Ключевые слова: Ф.И. Дмитриев-Мамонов; деструктивные литературные полемики; сатира; Иван Елагин; Ломоносов.

Для цитирования: Осокин М.Ю. «И на прекрасного М: похож!» Загадка «Сатиры на петиметра» и «Епистолы к творцу сатиры на петиметров» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2025. – № 2. – С. 121–157. – DOI: 10.31249/lit/2025.02.07

Поступила: 01.03.2024

Принята к печати: 10.02.2025

OSOKIN M.Yu.¹ “And resemble the handsome M.” The mystery of *Satire on Fop* and *Epistle to the Creator of Satire on Fops*[©]

Abstract. The article offers a solution to the problem of the authorship of the anonymous *Epistle to the Author of the Satire on Fops* and comments on the highly enigmatic fragment of the *Satire on Fop and Coquettes* by Ivan Elagin. The satire was handwritten and not intended for publication. The polemical reactions to it, including Lomonosov’s objections initiated by Ivan Shuvalov, circulated in manuscripts. *Epistle to the Author of the Satire on Fops*, the only printed text during the elaginomachia, is a treatise in verse analyzing the satire, with in-

¹ **Osokin Mikhail Yurievich** – Candidate in Philology, independent scholar, Sattahip (Thailand); mike.osokin@gmail.com

© Osokin M. Yu., 2025

sightful notes and a thorough critique from the perspective of Boileauism. It shows elements of the unique style of F.I. Dmitriev-Mamonov, who entered literature in 1753 with a handwritten translation of La Fontaine's *Psyché*. The *Epistle*, which follows Lomonosov's canon of versification rather than Sumarokov's, is full of violent stresses imposed according to the principle of metrization and lengthy prose digressions. Mamonov's insistence on dissecting others' mistakes, his habit of citing by folio (rather than page number), his rejection of 'mixing materials', and his anankastic fixation on order – all inherent in his classicist program – are already evident here. Elagin's plagiarism of Boileau is described in the 'Epistle' as "highly indecent and disgraceful": "If you want to be considered a creator, don't touch the thoughts of other writers". This formulation most closely resembles Mamonov's *Epigram to a Parrot* about those who "display someone else's intellect": "But taking other people's thoughts [as your own] is the most shameful thing there is". The anonymous text is confined to books and fenced off from polemics, although de facto it undoubtedly considers other's arguments, especially those of Lomonosov. The satire drew Mamonov's heightened attention because he was the one portrayed in it as 'handsome M.', the idol of 'crazy coquettes'. In response to Elagin's attack, Mamonov takes up Boileau's opposition between *vrai* and *vraisemblance* and criticizes the satire for pamphletism and lack of *vraisemblance*, which he sees as a way of conveying "only importance" without choosing "lightness".

Keywords: Fedor Dmitriev-Mamonov; destructive literary polemics; satire; Ivan Elagin; Lomonosov.

To cite this article: Osokin, Mikhail Yu. "And resemble the handsome M.' The mystery of *Satire on Fop* and *Epistle to the Creator of Satire on Fops*, Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies, no. 2, 2025, pp. 121–157. DOI: 10.31249/lit/2025.02.07 (In Russian)

Received: 01.03.2024

Accepted: 10.02.2025

«Епистола к творцу сатиры на петиметров» («Открывитель тайнства несогласных речей...») выделяется на общем фоне полемики вокруг «Сатиры на петиметра» И.П. Елагина обстоятельностью, огромными примечаниями и тем фактом, что это единственный текст елагиномахии, который был издан. В каталоге В.С. Сопикова в разделе «Епистолы» значится печатное издание «К творцу сатиры

на петиметров» в четвертку, вышедшее в Санкт-Петербурге, без указания года и авторства [Сопиков, 1815, ч. 3, с. 20, № 3746]. Книжка не разыскана ни в одном государственном хранилище, но рукописная копия сохранилась в селифонтовском сборнике 1750-х годов, по которому текст опубликовали в 1972 г. [Поэты XVIII века, 1972, т. 2, с. 380–384]¹. Там он списан на десяти листах (*Сел.*, л. 18–22 об.), на каждом под стихотворную часть отводится по 10 (*Сел.*, л. 18 – 20 об., 19 об. – 20 об.) или по 12 строк (*Сел.*, л. 21, 22), остальное место, более половины каждого листа, отлиновано под примечания, в том числе на л. 20, где примечаний нет.

Анонимный автор «Епистолы» отнесся к сатире Елагина самым серьезным образом. Он никого не вышучивал, как Ломоносов и Сукин, не ругал, как Третьяковский и Барков, не занял ничью сторону против другой, не встал на защиту петиметров и написал не сатиру или эпиграмму, а основательный критический разбор в стихах с пространными сносками и толкованиями в стиле филологического трактата, а потом еще и опубликовал его за свой счет, хотя критикуемая сатира и все возражения на нее были рукописными.

За те 60 лет, сколько известен список, версий об авторе высказано две, и обе невероятные. И.З. Серман, впервые составивший роспись *Сел.*, отметил «нарочито усложненный стиль», «педантизм примечаний» и предположил авторство В.К. Третьяковского. Он уточнил, что это лишь «предположение, нуждающееся еще в доказательствах» [Серман, 1964, с. 102], больше на нем не настаивал, а вернувшись к «Епистоле» в книге «Поэтический стиль Ломоносова» [Серман, 1966, с. 237], доказывать его не стал. В атрибуции усомнился И. Клейн: «Третьяковский был не склонен признавать литературные заслуги Сумарокова и сравнивать его с Расином» [Клейн, 2005, с. 313]. «Епистола» характеризует Сумарокова со всею почтительностью – это заметили все [Серман, 1964, с. 102–103; Поэты XVIII в., 1972, т. 2, с. 531] – и развивает некоторые ломоносовские тезисы. Позиция Третьяковского в елагиномахии, как

¹ Ниже она будет цитироваться с исправлениями по рукописи, т.к. в публикации многие места, начиная с первой строки и заканчивая последним примечанием, переданы неверно. Приняты следующие сокращения: *Мил.* – РГАДА. Ф. 911 («Портфели Миллера»). Портфель № 150, ч. 1. Д. 20; *Ржев.* – НИОР БАН. 12.4.28 («сборник Ржевского»); *Сел.* – ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Ед. хр. 977. 24 л., один чистый (Архив журнала «Русская старина», из бумаг И.О. Селифонтова); *РС* – Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Лобачевского (Казанский федеральный университет). Ед. хр. 4542 («Разные стиходействии»).

*«И на прекрасного М: похож!» Загадка «Сатиры на петиметра»
и «Епистолы к творцу сатиры на петиметров»*

следует из текстов, атрибутированных ему в РС, совершенно иная и никем более не занятая – для него это продолжение личной войны с Сумароковым и отнюдь не на стороне Ломоносова.

В.И. Симанков отверг кандидатуру Третьяковского и допустил, что ввиду «заметных переключек» между «Епистолой» и письмом Ломоносова к И.И. Шувалову от начала октября 1753 г., «автором анонимного послания мог быть не Третьяковский, но сам Ломоносов» [Симанков, 2019, с. 4, прим. 9]. Это было примечанием к электронному препринту, которое в печатный вариант работы исследователь благоразумно не включил, видимо, почувствовав, что хватил через край. Письмо Ломоносова («Исполнение») было публичным и копировалось в сборниках вместе с эпиграммами и другими ответами, в которых тоже отозвалось, не говоря о том, что качество стихов, как бы они ни были искажены переписчиком, близко не ломоносовское.

Ни 50-летнему Третьяковскому, ни 42-летнему Ломоносову не было до 28-летнего Елагина такого дела, чтобы писать подробные комментарии к его сатире, сочинять эпистолу из 98 стихов и тем более тратиться на ее издание. И то, и другое мог себе позволить 25-летний Ф.И. Дмитриев-Мамонов (1728–1805). Он жил тогда не в Москве, а в Петербурге, где квартировал Семеновский полк, куда он в 1751 г. зачислен офицером, к 1753 г. уже, вернее всего, вступил в петербургскую масонскую ложу, участником которой был и А.П. Сумароков¹, получил отпуск от службы в чине подпоручика и женился [Дмитриев-Мамонов, 2019, с. 819–820], а главное – заявил о себе в литературе, выпустив в публику перевод «Любви Психеи и Купидона» Жана де Лафонтена. Рукописная книга «Любви Психеи и Купидона. Сочиненная чрез Господина дела Фонтене. Перевод с французскаго на руской язык Ф Д М. 1753 году июля 17 дня», сохранилась в собрании рукописей Паниных²; напечатана она только через шестнадцать лет – в 1769 г. Когда в 1762 г. Мамонов возглавит Нарвский пехотный полк, он закажет свой портрет, который будет гравирован со стихотворной надписью художника Петра Попова, где говорится, что он «испра-

¹ Там же к 1756 г., которым датируется олсуфьевское донесение о ложе, как «давние» участники числились другие литераторы из Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, а также другие офицеры Семеновского полка, в том числе участник елагиномахии М.М. Щербатов.

² РГАДА. Ф. 1274 (Панины). Оп. 1. Д. 3112. 98 л.

вил множество сердец и нравов злых», т.е. писал в 50-е годы нечто сатирическое.

«Епистола к творцу сатиры на петиметров» совершенно мамоновская по изобилию насильственных ударений, аргументации, манере писать прозаические сноски («ремарки») к собственным стихам, отвлекаясь на предметы, прямо к делу не идущие, и привычке указывать в ссылках «листы», тяжелой въедливой рассудительности при поиске чужих несообразностей и по редкостной самодостаточности, чтоб не сказать нарциссической упоенности собою.

В части критики на титулы (ремарка 3-я) и риторику порабощения Сумароковым Парнаса (ремарка 5-я) – это «Исполнение» Ломоносова, изложенное и развитое всерьез, без шуток об интеллекте Сумарокова, его плагиате из Расина и взаимоотношениях с Аполлоном, без намеков на сумароковско-елагинскую войну и любой иной аргументации *ad hominem*. В отличие от Ломоносова и Третьяковского, автор деликатен с Сумароковым, для него это создатель отечественной трагедии – «русский Расин», «творец слаткой “Семиры”» – и сочинитель «нежных» песен, который заслуживает нелестливых похвал («Достоинства в нем есть, не лъстя, он вправду славен»), а не тех «немерных», которыми осыпал его Елагин. Из сравнения Ломоносова и Сумарокова в предисловии к «Психее» [Лафонтен, 1769, ч. 1, с. 17–18] следует, что Мамонов ценил обоих, но выше ставил Ломоносова. В 1760 г., когда сумароковские нападки усиливаются и становятся неприличными, Мамонов вступится за Ломоносова прямо: притча «Свинья в лисьей коже», написанная в ответ на антиломоносовскую притчу Сумарокова «Осел во львовой коже», в РС атрибутирована Мамонову, и ему же в таком случае принадлежит эпиграмма «На что мне пред людьми стоять как пред богами...»¹. В «Епистоле к творцу...», как будет видно, автор не примыкает ни к какой партии и вступает не столько за Ломоносова, сколько за себя.

¹ Эпиграмма шла в диалогии со «Свиньей» в списке Миллера и вместе они отвечали на сумароковскую дилогию из басни и эпиграммы, опубликованных в «Праздном времени в пользу употребленном».

«Вот сатира на мёня»: **вольная акцентология как принцип**

С первых строк «Епистолы к творцу сатиры на петиметров» становится понятно, что автор ее определенно не выученик сумароковской школы. Сумароков в 1740-е годы культивирует точные рифмы, естественную версификацию и критикует Ломоносова за неправильные ударения: в критике на оду 1747 г. поучает, что нужно писать «град^ов, а не град^ов» [Сумароков 1782, т. 10, с. 86], «бедную» рифму *Россія / Индія* будет предъявлять Ломоносову с тех пор до конца его дней, а после поминать тем, что тот ввел в стихи «провинциальное произношение» – «вместо *лѣта, летá*; вместо *град^ов, град^ов* и проч.» [Сумароков, 1782, ч. 10, с. 5].

Насильственные ударения рассматриваются в контексте истории рифм как наследие силлабики, чем их объясняют у Тредиаковского: *в воздухѣ / в ѹхѣ, Перуна / луна* [Западов, 1969, с. 60]. Тредиаковский, правда, еще в 1730 г. в «Езде в остров Любви», писал: «Нас близко теперь держит при себе Африка». При этом подобные рифмы критиковал закоренелый силлабист А.Д. Кантемир в «Письме Харитона Макентина» (1743, изд.: 1744): «Совсем не хвалю преложение силы с одного слога на другой, так, чтоб вместо *главá* писать *гла́ва*, вместо *закóн* писать *за́кон* и проч.» [Кантемир, 1956, с. 413], хотя сам рифмовал *пóтом / скóтом* [Кантемир, 1956, с. 73], и это уже в поздней редакции II сатиры. В «Исполнении» Ломоносов признает рифму *Россія / Индія* плохой, но допустимой, ссылаясь на графическую расиновскую, и подобных рифм у него еще десятки: *Уранія / химія / Азія / поэзія, побѣды / слѣды, кончіишь / велишь, стремнины / стени, значи́т / стои́т / гласи́т* [см. Западов, 1969, с. 62; Ушаков, 1979, с. 243], помимо этого он часто двигает ударение не для рифм, а для укладки в метр: «Зѣфир дрен верхи качает», «Пустыня, где быстриную», «Отчизны своей любитель» в переводе оды Фенелона 1738 г. [Кунник, 1865, ч. 2, с. 411, 415], «Какой приятный Зѣфир веет», «Сладчайший нектар лей с Назоном», «Как нельзя лить рекам к верьшине» в оде на прибытие Елизаветы Петровны 1742 г. и т.д.¹

В «Епистоле к творцу сатиры на петиметров», написанной шестистопным ямбом с парной рифмовкой, кидается в глаза оби-

¹ Ломоносовскую акцентологию описал в 1979 г. В.Е. Ушаков в работе, не входящей ни в одну библиографию и вообще никем, похоже, не учтенную [Ушаков, 1979].

лие насильственных ударений, не требующихся для рифмы и не оправданных никакой необходимостью: «Открóвитель тайнства несóгласных речей, / Издатель коль слыть хочешь, не тронь мысли чужей», «Не ставь Боалу в персь творца слатко́й “Семиры”», «Стихов же óпять нежных не писывал Боал», «Читать далé не станет, там чая страмоту», «Испрáвитель же нравов, не строй нам слов таких», «Без склонности его дать Гóрациевых сил» (у Елагина и авторов эпиграмм на него отлично получалось метризовать «Горациевых» с нормативным ударением), «Успеха он лишает и труд твой цéны <в>сей», «Нас нé вдруг чтоб испúжать, вид должен взять не свой», «Все вáжнее кудрей, хотя и те пристойны, / Но нúжней истреблять, вреда что суть преполны», «Вот сáтира на мéня, пропал я уж совсем», причем «сатír», «сатíра» и «сáтира» употребляются наравне. Концентрация подобных стихов 16,6 %, или 17 из 98; в текстах других участников полемики такого нет.

В отличие от дилетантов, сбивавшихся с силлаботоники на раешник (стихи М. Комарова, П. Мещерского и др.), у Мамонова не возникало затруднений с метром, но он постоянно трамбовал слова за счет ударений в свой шестистопный ямб с парной рифмовкой, которым написаны почти все его стихи до 1777 г.

Первым своим поэтическим сочинением он называл «Надписи к изображению Петра». Публикуя их в 1770 г., он писал: «Я признаюсь, что я вознес мой глас совсем мне самому не ожидаемым образом. Я в том подобен учинился немому сыну Креза, сего отверзлись уста во время опасности его царю» [Дмитриев-Мамонов, 2019, с. 146]. Несмотря на аллегорическую риторичность, не верить ему по здравом рассуждении нет оснований: надписи сделаны не к статуе Фальконе, а к статуе Растрелли, как и ломоносовские надписи «К статуе Петра Великого» (опубл. 1751), и могли быть написаны в начале 1750-х¹. Надписи Ломоносова, где есть стихи «Когда он строил град, сносил труды в война́х, / В землях далеких был и странствовал в морях» (Надпись I), «Гласит сей град и флот, художества и войски» (Надпись II), «В Петрове граде се россия́н утешает», «Но если бы его душевны красото́й» (Надпись III), стали для Мамонова образцом не только жанра, но и принципов метризации, ср.: «При виде днесь его в Росси́й явиться снова / И Архите́ктуры излейте разум весь» (Надпись I), «Художе-

¹ Именно утраченный растреллиевский монумент со склавами изображен на иллюстрировавшей мамоновские надписи гравюре В.А. Иконникова, ученика рисовавшего статую И.Э. Гриммеля [Дмитриев-Мамонов, 2019, с. 484].

*«И на прекрасного М: похож!» Загадка «Сатиры на петиметра»
и «Епистолы к творцу сатиры на петиметров»*

ства к нам ввел, пределы расширил» (Надпись III), «Он слабых лишь князей земель многих лишил» (Надпись VII). Вероятно, он, как и Ломоносов, прошел начальную силлабическую школу, а потом понял, что сочинять стихи новым способом – просто, если двигать не слова, а ударения в словах, ср. «К красавицам супругам»: «И уже вон ведется», «Но влюбленный супруг тому был столько рад» [Лафонтен, 1769, ч. 1, с. VIII], в стихотворных фрагментах «Психеи»: «Царицею любви она стала одна <...> И взглядом он своим тму раз больше сразит» [Лафонтен, 1769, ч. 1, с. 21], «Коралли и жемчуг со дна морей износят» [Лафонтен, 1769, ч. 1, с. 23], «Повинны должны быть велению все сему» [Лафонтен, 1769, ч. 1, с. 26], «И дома, что серебром и златом столь блистают» [Лафонтен, 1769, ч. 1, с. 34], «В одном куске хаос в своем смущении зрится <...> Пылая пламень там против воды стремился, / От брани сей был свет, служащий вместо дня» [Лафонтен, 1769, ч. 1, с. 41], «Во и Лиёнкура (т.е. замка Лианкур. – М. О.) и славных их наяд» [Лафонтен, 1769, ч. 1, с. 44], «Дышаньем влюбленным он дует на волосы», «Тебе чтоб скуку уменьшить», «Кой идет от начала веков», «Игры люблю я и музыку», «В места, где держит Стикс свой двор из страшных теней» [Лафонтен, 1769, ч. 2, с. 188], «Тьмы чудовищей ей встречались в глазах» [Лафонтен, 1769, ч. 2, с. 189]; в «Эпистоле о разуме»: «О знаниях что своих сказать не могут» [Лафонтен, 1769, ч. 1, с. 13]; в «Эпистоле генерала»: «И с вьюками кони при всех полках ведутся <...> Кони суть без препон их видеть в том забава» [Эпистола генерала, 1770, с. 12], «Там лишнее лежит против военных штатов», «И арьергардом тот корпус называют» [Эпистола генерала, 1770, с. 13], и тут же через строку «арьергард» с нормативным ударением («Другая делает в пути арьергард»), «И грады и села, огнем что пожжены» [Эпистола генерала, 1770, с. 15], «Что храбрее есть враг, то жадней русской бьет» [Эпистола генерала, 1770, с. 17], и т.д. Мамонов попросту не видит проблемы в «преложении силы с одного слога на другой» и не расценивает насильственные ударения как дефект версификации.

В «Поэме “Россия”» [Дмитриев-Мамонов, 2019, с. 308–444] (далее – ПР) имена собственные в пределах одной страницы могут ударяться то Килия, то Килия, то Хилков, то Хилков, то Нерон, то Нерон, и употребляться наравне. «Где Петрополь стоит при Невских берегах», «Ахиллес и Эней преславны толь делами», «Кони, и провиант, и злато в содержанье, / Природное России всегда живет стяжанье», «Но стали пергамент в ту нужду делать поз-

же» (ПР, л. 44 об.); «О деле Синописйс таком нас утверждает» (ПР, л. 59); «В дни Нерона в Россій, что много было жит», «Как в Риме Нерон был, извѣрг сей естества» (ПР, л. 61 об.), «Во следующий год еще были сражени» (ПР, 63 об.), «Медеи злой волшебство» (ПР, л. 67); «Как Олег уж потом...» (ПР, л. 70), «Тогда в Новѣграде республика началась / Она избранными из града управлялась» (ПР, л. 80 об.); «Высок всходит на трон, сесть в креслы изволяет» (ПР, л. 111), «и все оным пленялись» (ПР, л. 108 об.). Мамонов трамбует слова в метр не только в текстах, метризирующих мало пригодный для стихов материал (в «Эпистоле генерала» – воинские инструкции и трактат о взятии крепостей, в «Поэме “Россия”» – историю и географию), но и в традиционных стихах о любви, в «Эпистоле к красавицам»: «Пленяйте красоты любовью нас своею! / Вы наши суть звезды; блистайте так собой» [Поэма Любовь, 1771, с. 4], в «Поэме “Любовь”»: «Но влюбленных сердец те действия не подобны» [Поэма Любовь, 1771, с. 9], «Когда ты влюбленным случаеть столько дал» [Поэма Любовь, 1771, с. 38], «Но что то за слова! О ужасный ответ!», «Содрогнулся весь ад, узря его впервой» [Поэма Любовь, 1771, с. 57]; «Заживо злостным там готовят мук снаряд»,



*Корешок рукописной книги
Ф.И. Дмитриева-Мамонова «Поэма
Россія» из портфелей Г.Ф. Миллера
(РГАДА. Ф. 181. Оп. 3. Ед. хр. 237)*

«Лишь сойдут души в ад, нет спросу ни о чем», «Там есть река Летѣ, кто пьет ее воды...» [Поэма Любовь, 1771, с. 58–59], «Там чудовищ есть тьма в преужасных лицах» [Поэма Любовь, 1771, с. 59]. Все это легко исправить. В экземпляре сборника «Любовь» из книг А.В. Кокорева (1817–1889), хранящемся в МК РГБ, в строке «Содрогнулся весь ад, узря его впервой» «содрогнулся» подчеркнуто и предложена замена: «Вострепетал». Тою же рукою поправлен стих «Во аде соединен опять буду с тобой», предложен вариант: «Я буду жить с тобой». Чтобы получить тот же шестистопный ямб без смены ударений, иногда достаточно просто переставить слова местами («Эней и Ахиллес»,

**«И на прекрасного М: похож!» Загадка «Сатиры на пемиметра»
и «Епистолы к творцу сатиры на пемиметров»**

«там тьма чудовищ есть», «Петрoполь где стоит», «сойдúт лишь души в ад», «как в Риме был Нерoн, сей íзверг естества», «и oным все пленялись»), но бригадир Мамонов как будто настаивает на своем порядке слов, вбивая их в метр, как бы они ни сопротивлялись. Всё говорит о том, что он не старался избегать насильственных ударений, подчиняясь акцентологическому диктату, воспринимал плавающую ударность как ломоносовский канон и возвел ее в принцип самым неприемлемым для Сумарокова образом. Подчас это помогало точнее доносить мысль: Ахиллес прославлен прежде Энея, и по справедливости идет первым.

Насильственных ударений для рифмы у Мамонова не бывает, его устраивают любые рифмы, – глагольные, однокорневые: *новгородска / архангелогородска* (ПР, л. 22), *малороссийских / российских* (ПР, л. 29), *отвезет / привезет* (ПР, л. 40), *приезд / от[ъ]езд* (ПР, л. 42 об.), *приходит / ходит* (ПР, л. 43), *валовых / коровых* (ПР, там же), *указех / приказех* (ПР, л. 49 об.), *италианским / венецианским* (ПР, л. 58), *пошла / шла* (ПР, л. 131), *открыта / закрыта* (ПР, л. 133). Эти, во всяком случае, точные, но в недостатке и неточных: *водных / удобных, преобищрну / обилну* (ПР, л. 7); *покроет / возможет* (ПР, л. 7 об.), *Мигарамой / Омфалой* (ПР, л. 9), *поварню / спальню* (ПР, л. 31), *славянов / вандалов* (ПР, л. 51), *овладели / простерли* (ПР, л. 65 об.), *преславных / прехрабрых* (ПР, л. 67 об.), *беспределна / просвещенна* (ПР, л. 104), *возблестали / воспылали* (ПР, л. 139), и т.д. Он рифмует по несколько раз одни и те же слова: *предел / удел* (ПР, л. 8, 113 об.), *пределы / уделы* (ПР, л. 10, 119 об., 127), *Гомер / пример* на л. 3–4 срифмованы четырежды и еще раз на л. 150. В «Эпистоле генерала» *дети / имети* на первой же странице срифмованы дважды [Эпистола генерала, 1770, с. 3]. Такие рифмы есть и в «Епистоле»: *пристойны / преполны, тобой / собой, пристойно / достойно*.

Вольная акцентировка для Мамонова – норма. В «Седми кафисмах Псалтири» (1777), где он на 50-м году жизни осваивает другие размеры, включая раритетные, другими русскими поэтами в XVIII в. не использовавшиеся, тоже есть насильственные ударения: «лишь в вздыханьях íдет век», «от мятёжа злых людей», «Все странý и всякий люд / От восток солнца до запад» (ода XLIX); «но те, кто дёлами известны, / не зделав коварства и лсти» (ода XLVI) и т.д., но правка в рукописи, кажется, свидетельствует о борьбе с плавающей ударностью: «и сядет Гoспoдь Царь в век» >> «Гoспoдь сядет царь во век» >>> «Сядет царь Гoспoдь во век» (Ода XXVIII); «и благо твори в век» >> «и делай благо в век»; «от

восток солнца до запад» >> «от восток до запад света» (ода XLIX), хотя борьба эта была неравной, как противостояние черни в Чудовом монастыре: «боль мне жестоко умноже» >> «бóлезнь жестоко умноже» (ода XLIX).

Насильственные ударения сами по себе ни о чем еще не говорят¹, «Епистола» сливается с классицистической программой Мамонова.

«Не тронь мысли чужей». Критика плагиата, «нестройности» и смешения материй

Опознав у Елагина плагиат «мысли и речей» из второй сатиры Буало («К Мольеру»), автор собственноручно перевел и включил в эпистолу заемный фрагмент («Скажи ты мне, Мольер, где рифму ты берешь...»), заметил, что «точно чужое, как бы красно и всем приятно ни было, отнюдь своим назвать не только непозволительно, но весьма непристойно и позорно», и сформулировал претензию в стихе: «Издатель коль слыть хочешь, не тронь мысли чужей» [Поэты XVIII в., 1972, т. 2, с. 380]. Риторически это ближе всего к пуанту мамоновской «Эпиграммы к попугаю» («Мой милой попугай, я сам стихи слагаю...») на неназванного любителя «щеголять чужим умком»: «Но мысли взять других всего что есть стыднея» [Поэма Любовь, 1771, с. 80]. Мамонов всегда настаивал, что сам он «почерпает мысли» только у себя, это последовательно манифестируется в «Поэме “Россия”» («...в нраве я такой, / Терпеть что не могу пример брать никакой, И естли пел Гомер, нигде не занимаю, / Лишь в том беру пример, Гомеру подражая») и «Седми кафисмах Псалтири» («мне ум не нужен посторонний»)².

¹ В 1760-е годы сумароковский культ гладкого стиха опровергнет В.П. Петров, тоже принадлежащий к ломоносовской школе метризации: «В порфирах Рим, Стамбул, Индия», «Кончйся в зрелищном шуму», «Умолкли труб войнских звуки / И огнедышных копей скок», «Не столь красен денницы восток» («Ода на великолепный карусель»); «Не уснет та, ниже воздремлет», «Но мразы больше нам отрадны, / Как, Зэфир, нежности твои», «Вдовы, от радости воспряньте; / Отрите слезы, сироты» («На сочинение нового уложения»); «Защитить отчества пределы» («Ода на взятие Очакова»). Особый случай – сочинители, для которых русский был не родным, например, И.М. Гартунг, издатель «Мешенины катоноскарронической»: «Охотница моя вишь Муза до конфетов лакомиться; / И потому вас потчивает каждая страница» [Гартунг, 1773, с. 1].

² О картезианском генезисе этих манифестаций см.: [Дмитриев-Мамонов, 2019, с. 624–625].

**«И на прекрасного М: похож!» Загадка «Сатиры на петиметра»
и «Епистолы к творцу сатиры на петиметров»**

Такое отношение к подражанию на грани с плагиатом было вовсе не общим правилом, и автор подробного критического разбора елагинской сатиры, подписавшийся Защитником петиметра, иронически упрекает Елагина не за то, что тот подражал Буало, а за то, что подражал только в начале и не выучился у него держать тему – начал с похвалы Сумарокову, закончил порицанием петиметров, и всю дорогу сворачивал то в критику других авторов, то в карикатуры: «Вы началом вашего письма подражали Боалу, в его второй сатире, о трудности стихотворства, но не думайте, чтоб вас в том я охулял, что вы начало сходственно с оной написали, и токмо что не перевели. Позволяется нам брать мысли и с писателей французских, равно, как они из древних писателей сами выбирали; но сожелетельно, что вы оному обра<з>цу и совсем не последовали и, начав одним, другим окончали. Вы вспомните, что он о чем зачел писать, тем и окончал; во всех ево с<a>тирах и епистолиях сия одинаковость притчины видна» (*Сел.*, л. 11 об.). И далее по поводу стиха «Увидел бы, как я по горнице верчуся»: «Вы бы могли и не толь подлым образом ваши трудности делать стихи описать, в засвидетельствовании правды моих слов посмотрите сатиру Боалову, которой вы началом подражали» (*Сел.*, л. 13).

Другая особенность «Епистолы» – выключенность ее из общей дискуссии. Для автора «Сатиры на петиметра» служит поводом порассуждать, и он рассуждает: здесь Елагин прав, здесь не прав, разбирает плагиат о рифмах, сообщает о происхождении Буало от «приказных людей», которое он, кажется, ставит в связь с тем, что тот во всю жизнь «ничего нежного не писывал», о Цицероне и о задачах сатиры вообще – но рассуждает так, как будто идет филологический спор о качестве сравнений и метафор, как будто в полемике нет подводных течений, связанных с нападками на Ломоносова. Явно учитывая замечания Ломоносова и вероятно – других критиков Елагина, автор их развивает так, как будто они попали на собственные его мысли, обособливается, ни к кому не апеллирует¹ и, судя по всему, не хочет восприниматься как участник антиелагинской кампании. «Епистола» выглядит замкнутой в

¹ Как хотя бы придиричивый и словоохотливый Защитник петиметра, который присоединяет критику к хору и подчеркивает, что он не одинок в своих претензиях: «Ну вот таперь я дошел до такого места, которое обще всех людей на вас раздражило» (*Сел.*, л. 14 об.), имеются в виду стихи о женихе. Не говоря о других участниках полемики, которые ломали копыя и об Елагина, и друг о друга.

вакууме из книг – собрания сочинений Буало и древнеримской истории.

Когда заканчивалась подготовка книги «Дворянин-философ», ее редактор С. Вязкова написала письмо, где высказала все, что думает о Мамонове и особенностях его характера, которые определила по другому поводу как легкую социопатию или отсутствие эмпатии, следствием которой становятся одиночество и непопадание в социальный ритм: «Чудачества и эксцентричность поведения Мамонова могут говорить о легкой социопатии бригадира – он не чувствует неписаных правил общества, в котором живет, и регулярно их нарушает, а потому окружающие воспринимают его как помешанного. Эмоциональный интеллект, эмпатия у Мамонова явно как минимум недоразвиты, и в его голове просто не помещается ощущение, что он что-то делает не так: законы же он не нарушает, скорее, маниакально им следует <...> Еще одно наблюдение – у бригадира есть крепостные, слуги, родственники и многочисленные приживалы, но, похоже, нет друзей. И не то, чтобы он этим тяготился. Мне представляется, ему скорее были бы в тягость многочисленные дружеские ритуалы и близкое общение на равных с другими людьми. Но это уже мои домыслы». Хотя выводы сделаны по наблюдениям за Мамоновым образца 1770-х и не во всем справедливы (мне самому представляется естественным, если у человека к сорока годам в голове не друзья, а семья, крепостные и прочее домашнее хозяйство), эта социопатия, похоже, вытеснилась уже в «Епистоле». Нарушением неписаных конвенций был сам факт издания критики на рукописный текст.

В примечаниях автор отвлекается от предмета и философствует о посторонних, совершенно на своей волне, к своему же рассуждению о преимуществах риторики перед сатирой делает примечание: «Не видим ли из гистории римской, какие великие дела ораторы их, а особливо Цицерон, одною народа к нему поверенностию делал, что может быть важнея, чтоб узаконение отменять, или опровергнуть, а ему это не однажды случилось. Словом, можно сказать, что он склонность народа обузданну имел в своей власти»¹; к титулу «наперсник Буалов» сочиняет толкование из

¹ Слово «поверенность» употреблено в «Епистоле» дважды, другой раз собственно во фрагменте, к которому относилось это примечание: «Поверенность такая нужна ведь очень есть». Это одно из любимых слов Мамонова, хотя, разумеется, за ним не зарезервировано, ср. в «Поэме “Россия”»: «Но чин великий был наместник в месте царском, / Поверенность была в лице быть государском»

**«И на прекрасного М: похож!» Загадка «Сатиры на петиметра»
и «Епистолы к творцу сатиры на петиметров»**

262 слов, где пытается подступиться к нему с разных сторон и заключает, что ни с одной из них титул Сумарокову не подходит. Из подобных сносок будут состоять мамоновские примечания к рукописной «Поэме “Россия”»¹.

Рокайльную елагинскую сатиру критиковали с классицистических позиций за несоответствие средств задачам жанра: претензия, помимо «Епистолы», высказывалась в анонимных эпиграммах «Какой ужасный крик и вопль мой слух пронзает, / И что то за язык *Елаг*, *Елаг* болтает...», «Коль Феб тебе сквозь гром с небес сам говорил...», о которой ниже, в разборе «защитника петиметра» и в редуцированном виде у И. Баркова («Превращенный “Петиметр”»), но только автор «Епистолы» поставил в вину смешение материй – сатирической и лирической, сатиры и поэмы А. Поупа «Похищенный локон».

И, Поппа улажая, искал, где те бажочки,
Наполнил целой лист, оставив свою тему
И странно примешав в сатиру ту поему.

[Сел., л. 21 об.] ср.: [Поэты XVIII века, 1972, т. 2, с. 383]

К осмеянным и переосмеянным елагинским стихам «О муза, коль тебе позволит Сумароков, / Ты дай мне, дай хоть часть Горациевых сил...» он прибавляет дополнительный упрек – нарушение пропорций или иконографии: муза Елагиным призывается «не та, которую господин Сумароков, творя, своею назвать может, ево муза называется <в рукописи слово пропущено: Евтерпа или Мельпомена? – *М. О.*>, а эта муза – присутствующая в поэзиях сатирических называется» (Сел., л. 19)².

[Дмитриев-Мамонов, 2019, с. 352]. «Но сродник знаменит в всю пребыл жизнь при нем, / Ему поверенность была тогда во всем» [Дмитриев-Мамонов, 2019, с. 396].

¹ См. примечания: «Здесь находится великая ошибка в гистории оной <М. Щербатова>...» [Дмитриев-Мамонов, 2019, с. 379], критику «Повести временных лет» и других летописей [Дмитриев-Мамонов, 2019, с. 394, 398, 403–405] и проч. Ср. также сноску к «Эпистоле о разуме» [Лафонтен, 1769, ч. 1, с. 12–15].

² У сатиры не было особой музыки, по идее, если бы возникла такая нужда, ей могла покровительствовать Талия, муза комедии, с которой у сатиры общая задача – обличать пороки.

К защите чистоты жанра относится и упрек Елагину в «нестройности стиха»¹.

Жених твой как страшитца, задумавшись о чем,
Кокетки как ни на́глы, им стыдно слушать всем.
Пример такой не вместе<н> для нежных здесь ушей,
Успеха он лишает и труд твой цёны <в>сей.
На первой кто странице нестройность видит ту,
Читать далé не станет, там чая страмоту.

«Кокетки наглыми здесь названы затем, что сатирик<a> немилосердых им эпитетов мне здесь употребить не хотелось, а необходимо нужно их так представить надлежало, чтоб чрез то нестройность стиха изобразить» [*Сел.*, л. 19 об.] ср.: [Поэты XVIII века, 1972, т. 2, с. 382]. Это значит, что автор не разделяет елагинской оценки кокеток, но ему понадобилось назвать их «наглыми» – подражая Елагину, который назвал их «бешеными», однако без его эпитета, – чтобы показать «нестройность стиха» о женихе, который «страшится» своих мыслей, т.е. даже «наглым» кокеткам «стыдно» читать сравнение петиметра, томящегося в ожидании ответа от *couturier*, с женихом, который мучается сомнениями в девственности невесты:

Подобно как жених в последний час пред браком
Бойтся, чтоб в ту ночь не быть кому свояком,
Задумавшись, сидит, ждет рока своего
И хоцет разрешить сумнение его, –
Так бедный петиметр робеет и вздыхает,
Что долго Жоликер ему не отвечает.

¹ В «Поэтах XVIII века» напечатали «Епистола» со всеми искажениями переписчика, добавили своих и потом объявили, что в ней нарочно стилизована «нестройность», превратно поняв авторское примечание о наглых кокетках. Если не знать, что публикация готовилась при Хрущеве, можно было бы подумать, что рукопись распознавалась искусственным интеллектом: «Пример такой не вместе для нежных здесь ушей» (надо: «не вместе»), «Которыми что в Риме он Фракана победил» (надо: «Фракса», как у Елагина, тогда и сбоя метра не будет); «Звать силфов к блуку в сатире не пристало» (надо: «к каблуку», это отсылка к поэме Поупа и очевидная порча), «Я чаю, кто и всех пиитов мысли уже прошел...» (надо: «прочел», как можно пройти мысли?) и т.д.

**«И на прекрасного М: похож!» Загадка «Сатиры на петиметра»
и «Епистолы к творцу сатиры на петиметров»**

«Нестройность» – это противная нежному слуху «страмота», в том же смысле слово «нестройный» употребляется в епистоле поручика напольного полка Я. Брандта («Довольно не могу я людям надивиться...»): «Слепивши как-нибудь стишков весьма нестройных, / Выходит из границ сатир благопристойных» [Поэты XVIII века, 1972, т. 2, с. 399].

Стройность (согласие, гармония, пропорциональность, правильность) у Мамонова устойчиво связывается с добродетелью и покрывается идеей порядка: «Добродетели суть пружина души; они суть стройность и согласие порядочной жизни человека» [Дмитриев-Мамонов, 2019, с. 755]. В «Оде красавице» постулируется связь физической красоты с добродетелью, гармонического сложения с гармоническим характером: «Красавица моя красавица есть станом; / Красавица лицом, / Красавица умом; / А более всего красавица и нравом» [Поэма Любовь, 1771, с. 5], в «Богословии» выводится другая закономерность: «Добродетельная душа, любя порядок, измышляет все науки, исчисляет людей, размеривает землю, зиждет на оной грады и в градах великолепные дома в самых порядочных правилах архитектуры, и дает порядок приличному житию всякого звания людям. Злонравная душа, напротив того, возмущает всякой порядок»¹. Коллекционирование, исчисление, межевание, правила архитектуры – это выражения порядка, к которому стремится добродетельная душа, в отличие от злонравной, которая, как доказывается дальше, любит беспорядок, и это лейттемы его сочинений. Похвалы порядку в различных проявлениях встречаются во многих сочинениях Мамонова. На идее порядка замешаны межевание Солнечной системы в «Дворянине-философе», описания архитектурных ордеров в «Поэме “Любовь”» [Поэма Любовь, 1771, с. 29–31] и в «Епистоле о разуме»:

В порядке окна там стояли так рядами,
Как строй Европы войск тем больше всех дивит,
Чем больше кто его порядок славной зрит.
Порядок есть везде ума людцкого дело.

[Лафонтен, 1769, ч. 1, с. 15]

¹ Мальбраншистская идея любви к порядку как основы морали проводится, например, у отца Андре, сочинения которого были в библиотеке Дмитриевых-Мамоновых.

В «Эпистоле генерала» чинопочитание – основа порядка (подобный соблюдается в пчелином рое) и единственное средство обеспечить силу армии: «Почтение чинам душа всего порядка» [Эпистола генерала, 1770, с. 5]. Когда шведская армия имела лучший порядок, то побеждала российскую, с тех пор как Петр I ввел дисциплину в войска, они всегда побеждали шведов, чему свидетельство Полтавская битва. Притча во языцех – дурно организованная и не знающая порядка польская армия, воины ее подобны скотам на убое. Так всегда случается там, где не чтут чины, поэтому все должны соблюдать почтение к нижним, а тем более высшим офицерам; этим чином награждают разумнейших и храбрейших, коих минул «всяк низости порок», без них невозможно обойтись, «они порядка цепь» [Эпистола генерала, 1770, с. 6].

В письме в библиотеку Московского университета Мамонов требует, чтобы художники в изображениях не отступали от классической иконографии, и посылает им для этого геммы из своей коллекции, по которым нужно учиться «пропорциям», «ибо знание истории, пропорция, сходная вещь с делом, и по последней возможности чистота искусства есть то же, что есть благопристойность на высочайшем своем степени» [Дмитриев-Мамонов, 2019, с. 146].

Для Мамонова смешение материй – это беспорядок, поэтому «ровности» он добывается даже от Лафонтена. В предисловии к «Психее» он критикует бурлескные «титуды» в лафонтеновских баснях за нарушение пропорций в иерархии («государь медведь», государь у зверей – лев, а не медведь) и неблагородную шутовскую неприлично называть Юпитера Юшей) и предупреждает, что роман в его переводе очищен от «оних низостей»: «...признаюсь, что желая употребить приличной штиль или слог тут, где материя оного требовала, я имел наивеличайший труд, потому что в оригинале слог хотя благороднее его нравоучительных басен, но для героического слога весьма низок, и охоту мне подало переводить не штиль, но материю» [Лафонтен, 1769, ч. 1, с. 16]. Это, вероятно, объясняет, почему он изъясил рамочное повествование, чем изрядно дероманизировал текст. Мамонов, как уже приходилось говорить, выступает против смешения высокого с низким, не отрицая низких жанров. Признание в пристрастии к «благородному стилю» в предисловии к «Психее» («низкими словами наполненной слог я так оставляю, как оставляю и не слушаю тех людей, которые говорят степною речью и произношением») и критика неблагопристойных елагинских стихов не противоречат тому, что в рукописях барко-

*«И на прекрасного М: похож!» Загадка «Сатиры на петиметра»
и «Епистолы к творцу сатиры на петиметров»*

вианы Мамонову приписываются приапические тексты (чаще всего «Письмо Приапу»): он против низких слов в благороднейшем и «нежнейшем» из того, что написал Лафонтен, и против «бесстыдных слов» в сатире, которая должна исправлять нравы.

Нужнее разум к речи, как звон в нескладный стих,
Исправитель же нравов не строй нам слов таких,
Какими ты бесстыдных заставил всех краснеть
[Поэты XVIII века, 1972, т. 2, с. 382], –

довод буалоистский. В той же второй песни «Поэтического искусства», откуда взяты стихи о задачах сатиры, Буало осуждал «острые сатиры» Матюрена Ренье за «циничные рифмы», «смущающие целомудренные уши» («*les oreilles pudiques*», ср. «нежные уши» в «Епистоле»), и «речи, бросающие вызов благопристойности»; они сносны на латыни, но французский читатель будет оскорблен, если не смягчить их «скромностью слов» («*la pudeur des mots*»): «*Je veux dans la satire un esprit de candeur, / Et fuis un effronté qui prêche la pudeur*» [Voileau, 1746, t. 2, p. 35] – «Я хочу в сатире духа искренности / И бегу от бесстыдного, который проповедует целомудрие».

Призывы к порядку можно найти и у других классицистов, но у Мамонова они итеративны и приобретают ананкастический характер, проявляясь в одержимости цифрами, подсчетами, перечислениями и каталогизацией. Первые страницы «Дворянина-философа», «Поэма “Россия”» заполнены числительными¹. Ананкасты помешаны на порядке, деталях, перечнях и правилах, требуют соблюдения правил от других – это мы видим и в «Епистоле к творцу...», и в статье о Лафонтене, неправильно употребляющем титулы животных, и в письме о художниках, отступающих от классической иконографии, и в жалобе в московскую губернскую канцелярию на крестьян, неправильно строящих дома [Дмитриев-Мамонов, 2019, с. 145–148, 1131–1132]; им свойственны перфекционизм, препятствующий завершению дел, – большинство рукописных книг Мамонова грандиозны по замыслам, посвя-

¹ Из книги [Дмитриев-Мамонов, 2019] по настоянию редактора была исключена ананкастическая, состоявшая преимущественно из выписок глава о страсти Мамонова к расчетам, каталогам, перечислениям и огромным цифрам, которые он разными способами укладывал в свой шестистопный ямб; помещать ее сюда будет слишком долгим отходом от темы.

щены необъятным предметам и оставлены на перспективу неоконченными [Дмитриев-Мамонов, 2019, с. 911]; ригидность и упрямство [см.: Дмитриев-Мамонов, 2019, с. 918, 1079, прим. 51], навязчивые мысли, в случае Мамонова развившиеся в паранойю [Дмитриев-Мамонов, 2019, с. 1120], и педантизм. Последний был свойствен ему и в быту, в письме к Е.П. Кашкину от 18 июня 1775 г. он сообщает, что императорское повеление не выставлять ничего в окнах дома полицейский объявил ему «в прешедший понедельник, то есть 15 числа сего месяца, по утру в половине девятого часа» [Дмитриев-Мамонов, 2019, с. 898]; точно указано время, хотя прошло уже три дня. Порядок тематизируется и откладывается в структуре текстов, посвященных обширным предметам, все это метризуется – ритмизуется и зарифмовывается, – что представляет двойную и тройную защиту от беспорядка. Мамонов следил за порядком в чужих сочинениях больше, чем в своих, где он сам решал, что идет к делу, и «Епистола к творцу сатиры на петиметров» встает в этот ряд.

«И на прекрасного М: похож!»

«Епистола» дает материал к толкованию самого энигматичного места в «Сатире на петиметра», казавшегося обреченным на спекуляции, – фрагмента, где Елагин описывает, с каким восторгом «бешеные кокетки» встречают украшенного Жоликером щеголя:

Другая, истинно, подобно как взбесясь,
Французским языком издетска заразясь,
Devant dieu! – та кричит. – Как ангел ты пригож¹
И на прекрасного М: похож!

Так последняя строка читается в «Разных стиходействиях» [Покровский, 1903, с. 49] и в списке Г.Ф. Миллера [Поэты XVIII века, 1972, т. 2, с. 531], который, рекламируя свое собрание рукописей перед продажей, похвалялся, что изготовлял копии с самых исправных и надежных.

Инициалом обозначали лицо, на которое направлен пасквиль. Елагин хотел, чтобы лицо осталось неназванным, и, по-

¹ РС: «Кричит и вопит тут: как ангел ты хорош». Ржев.: «Девай две та кричит, как ангел ты пригож».

**«И на прекрасного М: пахож!» Загадка «Сатиры на петиметра»
и «Епистолы к творцу сатиры на петиметров»**

сколько догадывались не все, у переписчиков строка варьировалась, в *Сел.* и *Ржев.*: «И на прекрасного ты М: пахож» [Поэты XVIII века, 1972, т. 2, с. 376; *Ржев.*, л. 6 об.]¹. Были высказаны три версии, кто мог подразумеваться под «М.» в этом стихе, – одна незыблемая и две неверные.

П.Н. Берков, исходя из *РС*, дешифровал «М.» как «Маркизов» [Берков, 1936, с. 124], подразумеваемая под ним И.И. (sic) Шувалова, которого он сам же объявил объектом «Сатиры на петиметра». Фамилию «Маркизов» он тоже выдумал сам, «исправив» сумароковскую эпиграмму «Хотя, Марназов, ты и грешен...», которая, как он утверждал, «очевидно относилась к П.И. (sic) Шувалову» и была «явно испорчена» опубликовавшим ее Н.И. Новиковым [Берков, 1936, с. 307, прим. 75]². По сюжету эпиграммы, Марназова следовало повесить, но он лежал при смерти и потому достался чертям, а не палачу. Более вероятно, что Сумароков, пользуясь своим пророческим даром поэта, подразумевал под Марназовым Беркова, нежели кого-то из Шуваловых. «М.» в елагинской сатире – инициал персоналии, Марназов – не персоналия, а условная сатирическая фамилия, как Милон («Милон на многие дни с женою разлучился...»), «Милон на лошади, Милонов конь прекрасен...»), Клеон («Клеон при смерти был, и был со всем готов...»), Клавина («Клавина смолоду сияла красотою...»), Фуфона («Фуфона свой портрет писати заказала...»), Хам («Сожительницу

¹ К тому, что это порча, служит то, что местоимение уже употреблено в предыдущем стихе («Как ангел ты пригож»). В *Ржев.* текст сатиры (*Ржев.*, л. 5–6 об.) донесен неаккуратно: выпущен стих «И вижу, как рука проворна Жоликюра», в стихах «Не следуй правилам людей, что нас ругают, / А сами что есть вкус – они того не знают» первая строка испорчена, вторая выпущена, в стихе «Которых силфами твой стих нам нарицает» пропущено слово «силфами», это говорит о том, что переписчик не все понимал, а кроме того, – обычное дело, – он пропускал слоги и слова или вставлял лишние, сбивая метр: «Когда бы не привезли из Франции помады» (вместо «когда б»), «Или как наш Пиндар выписав в свой стих Россию» (вместо «вписав»), «Подобно как кричит обрадованный народ» (вместо «обрадован»), «И одеяние ево похваляют», «Збирает речи все, что в романах он читал» и т.п., Жоликер (фр. Jolicoeur) писал как «Жолискиюр», а в стихе «Тут вспомня, что велел премудрой Жоликюр» чуть ли не «Жолиссиюр». Идеальных списков не существует, но переписчики *Ржев.* и *Сел.* не дают причин довериться именно им в стихе о «М.».

² И.Ф. Мартынов и И.А. Шанская, когда отвергали эту версию, ошибочно назвали ее «сложными логическими выкладками» [Мартынов, Шанская, 1976, с. 141], выкладка тут точно есть, но нет логики, как и почти во всей книге «Ломоносов и литературная полемика его времени».

Хам имеет за врага...») и т.д. «Кондрат, имя вымышленное, как следующие Никон, Туллий и проч.» [Кантемир, 1956, с. 114], – объяснял Кантемир в примечании к «Сатире IV. К музе своей (О опасности сатирических сочинений)» читателям первой половины XVIII в.

И.З. Серман предлагал читать стих: «И на прекрасного ты Монброна похож» [Серман, 1964, с. 104], поскольку французский литератор и путешественник Луи-Шарль Фужре де Монброн (Louis-Charles Fougeret de Monbron, 1706–1760), критик Вольтера, автор бурлескной «Превращенной Генриады» (*Henriade travestie*, 1741) и мемуаров «Космополит, или Гражданин мира» (*Le Cosmopolite, ou le Citoyen du Monde*, 1750)¹, будучи в Москве, повздорил с Сумароковым. Об их знакомстве и ссоре, случившейся во дворце, в покоях И.И. Шувалова, известно из статьи Сумарокова «О пребывании в Москве Монброна» [Сумароков, 1782, ч. 10, с. 168–171], из которой, между прочим, следует, что Сумароков расходился с Елагиным в оценке романов маркиза д'Аржана, поскольку, испытывая к «г. Даржансу почтение», защищал его от монброновских обвинений в «бездельствах» и «невежестве» [Сумароков, 1782, ч. 10, с. 169], однако произошло это в декабре 1753 или в начале 1754 г. [Заборов, 1978, с. 18]. «Сатира на петиметра» уже в октябре – ноябре 1753 г. вызвала массу откликов. К тому же «Монброн» ложится только в стих *Сел. и Ржев.* и только с несвойственным французской фамилии ударением. Елагин не мог назвать Монброна Монброном, опасаясь сумароковского гнева, и не стал бы миндальничать с иностранцами, как не обозначал инициалами д'Аржана, Жоликера и Проспера.

«Марназов» и «Монброн» извлечены из новиковского собрания сочинений Сумарокова. И.Ф. Мартынов и И.А. Шанская зашли со стороны рукописных сборников и предложили третий вариант – «Муравьев», т.е. преподаватель Артиллерийского и Инженерного кадетского корпуса, автор «стихотворений разного рода, а особливо песен» Николай Ерофеевич Муравьев (1724–1770), дед М.Н. Муравьева. Во-первых, его фамилия не ложится в размер², так что

¹ А также, как выяснилось [Boussuge, 2010, p. 71–164], второй части романа «Тереза-философ» (не позже 1748), состоящей из истории мадам де Буа-Лорье.

² Это не «травяная», а «животная» фамилия: она происходит от прозвища родоначальника Ивана Муравья, поэтому не должна была ударяться на второй слог, а у Елагина как первого сумароковского ученика не должно было быть насильственных ударений. Впрочем, исследователи не утверждали, что в елагин-

*«И на прекрасного М: похож!» Загадка «Сатиры на петиметра»
и «Епистолы к творцу сатиры на петиметров»*

Муравьеву не с чего было «принимать оскорбление на свой счет» [Мартынов, Шанская, 1976, с. 142], а во-вторых, уважаемые исследователи, чтобы делать такие предположения, совсем не разобрались в тексте эпистолы Н.Е. Муравьева. То, что они приняли в его «Письме к Бекетову» («Скажи, Бекетов, тот не прямо ль веселится...») за одну пропущенную строчку [Мартынов, Шанская, 1976, с. 144, прим. 35], – зияние, в котором сгинул конец текста, а то, что они опубликовали в качестве его продолжения (от слов «А как ты станешь ей о страсти говорить...»), – это окончание эпистолы Н.А. Бекетова «Правила как любиться без печали. Письмо приятелю», которую они напечатали до слов «И гордою к тебе не станет та казатца» [Мартынов, Шанская, 1976, с. 146]. Муравьевский текст обрывается словами: «Болтают напрямик: велик наш Сумароков, / Спросили б у меня, – невежда говорит, – / Я б верно доказал, что свет неправо мнит. / Какой его писец, которой пишет ясно, / Не то в стихах есть нежно и прекрасно, / На то, чтобы хвалить верхи рифейских гор...» Невежда критикует сумароковскую поэтику ясности, из чего следует, что Муравьев был из партии Сумарокова и «мишенью для сатирических стрел Елагина» [Мартынов, Шанская, 1976, с. 142] служить был не должен. В эпистоле его, даже если смешать ее с эпистолой Бекетова, нет ни намека на Елагина, что не помешало В.П. Степанову назвать ее «антиелагинской» [Словарь русских писателей XVIII в., 1988, с. 76]. Стоит, однако, отметить рациональность мартыновско-шанского захода: попытку поискать возражения от задетого Елагиным «М.» среди анонимных рукописных текстов елагиномахии.

Из «Епистолы к творцу сатиры на петиметров» видно, что фамилия таинственного «М.» отсутствовала во всех списках, которыми располагали современники:

Хотя и не назначен М. тобой,
И Л. и М. краснеть будем собой:
Неназван всякой видит представленна себя,
Исправишь тем ты многих, ничем не соглубя.

[Сел., л. 20–20 об.]

ср.: [Поэты XVIII века, 1972, т. 2, с. 383]¹

ском стихе зашифрован Муравьев, но лишь предположили, что он принял инициал за нарек на себя.

¹ Ср.: [Серман, 1964, с. 103], где неправильно прочтена вторая строка: «краснеть будут собой».

«Не назначен М.» значит, что все читатели сатиры в 1753 г. имели дело с точкой, отточием или с двоеточием, которое использовалось в функции отточия¹. «Епистола» дает вторую подсказку, как «М.» метризовалось в исправных списках 1753 г., и позволяет заключить, что аутентичная редакция стиха донесена *Мил.* и *РС*, а не *Ржев.* и *Сел.*

И.З. Серман, исходя из *Сел.*, предполагал, что в елагинской сатире «М... замещает трехсложное слово», а в «Епистоле» зашифрованы «двусложные фамилии», а «не М..., названный Елагинным» [Серман, 1964, с. 102]. Трудно сказать, как исследователь, перепутавший 6-стопный ямб с 7-стопным хореем [Серман, 1964]², пришел к своим выводам. Если исходить из *РС* и *Мил.*, фамилия М. – четырехсложная в родительном падеже и трехсложная в именительном, если из *Ржев.* и *Сел.* – трехсложная в родительном и двусложная в именительном. В «Епистоле», из какой редакции сатиры ни исходи и какую фамилию ни подставляй (кроме «Монбрана», который сюда не ложится с любым ударением), переписчик сбил метр («Хотя и не назначен М. <был> тобой»), иначе фамилия в именительном падеже должна быть четырехсложной, что не метризуется во втором стихе и не соответствует ни одному списку елагинской сатиры.

Автор «Епistolы к творцу...» – единственный, кто отозвался на этот фрагмент и раскритиковал за памфлетность: «Неназван всякой видит представленно себя», хотя вовсе не «всякой», а только те неназванные, чьи фамилии начинаются с «М.». Он по меньшей мере принял его на свой счет, а по большей – он и подразумевался. Фамилия Мамонова идеально ложится в метр строки списков *РС* и *Мил.* Современники звали его именно так [см. Дмитриев-Мамонов, 2019, с. 156, 244, 246, прим. 5, с. 460, прим. 98, с. 482], и так он записан в словаре Н.И. Новикова, двойной фамилией он писался сам и в официальных документах, и то не во всех, в донесении императрице Елизавете М.М. Олсуфьева о «секте массонской» он «Федор Мамонов» [Дмитриев-Мамонов, 2019, с. 820, прим. 13]. (Если не опасаться впасть в марназовщину, можно предположить, что «Л.» – ошибка копииста, а в печатном тексте было «Д.», и в стихе подразумевалось: «И Дмитрiев, и Мамонов краснеть будем собой», где «Дмитрiев» без специальных орфогра-

¹ Это значит, кроме прочего, что любые расшифровки должны добавляться не в текст, как делал П.Н. Берков [Берков, 1936, с. 124], а в примечания.

² Как заметил уже В.И. Симанков [Симанков, 2019, с. 4, прим. 9].

*«И на прекрасного М: похож!» Загадка «Сатиры на петиметра»
и «Епистолы к творцу сатиры на петиметров»*

фических отмен метризовалось как «Дмитрьев»; «и десятиричное» у Мамонова, и не только у него, стабильно использовалось в функции разделительного мягкого знака, ср. «Гóраціевых сил» в «Епистоле к творцу...», «в Россіи» в «Поэме “Россия”» постоянно метризуется то как «в России», то как «в Россьи» и т.д.)

Для того, как Мамонов изображен на полковничьем портрете, «пригож, как ангел» – сравнение самое подходящее. Рисовал его Петр Попов, сын священника, работавший в Синодальной типографии и специализировавшийся на евангельских сюжетах, но, думается, с Монброном, Муравьевым и Марназовым даже у него бы так не получилось.



*Портрет Ф.И. Дмитриева-Мамонова художника П.И. Попова
с гравюры В.А. Иконникова «Федор Иванович Дмитриев-Мамонов, полковник
Нарвского пехотного полку в 1762 году».*

МК РГБ, У-2°/70-Ф («Эпистола генерала»), 2-й экз.

В «Правилах офицеру» – руководстве военным, как выслушиваться в мирное время, – Мамонов доказывал, что офицеру необходимо выглядеть приятно и что «красивое лицо», данное от рождения, – большой плюс для старта карьеры, а тем, у кого его нет, рекомендовал компенсировать эту свою некрасивость наблю-

дением вкуса в одежде и чистотой экипажа. Хотя Мамонов предостерегал против чрезмерности «в нарядах и убранствах», т.е. как раз против щегольства, наставлениям о внешности он уделил четыре страницы из 25 [Правила офицеру, 1771, с. 7–10]: «Первое, что каждого глазам представляется приятным, есть наружной тела стан: кто от природы одарен онаго стройностию и красивым лицом, тот бесспорно уже имеет у себя из качеств такое, которое к пользе его ему благоприятствует. Сия впечатленность весьма часто для той драгоценности, которую мы приятелям при первом на них взгляде назначиваем, бывает решительною; однакож и так окажется скоро бесполезною у таких, в коих приметно будет, что сие одно занимает их мысли; а особливо когда не редко при том употребляют видимое всеми попечение и хитрое приличествующее женщинам умышление в нарядах и убранствах, то вместо чаемой благосклонности приобретут себе чрез то неминуемое посмеяние; да и по справедливости можно таковых назвать безмозглыми Адонисами или куклами; солдату и в самом деле худшаго наименования дать не можно; и сколь скоро такой красавцем себя почитая, в убранстве токмо и украшении старание свое полагать станет, то чрез то не токмо у начальников и у равных ему, но и у подчиненных своих придет в совершенное презрение: следственно и надежды уже нет, чтоб он щастием своим пользоваться и в звании своем до вышшей достигать мог степени» [Правила офицеру, 1771, с. 7–8]. Дальше идут рассуждения о том, что надо бы запретить офицерам носить штатское вне службы, что сэкономит им деньги «на свой экипаж и на другия нужная вещи», и вывод: «Чистота, порядок, вкус в платьях и в экипаже, доставят и самому непригожему человеку похвалу и почтение» [Правила офицеру, 1771, с. 10].

Обоснованию необходимости «светских обращений», без чего офицеру, каким бы «исправным воином» он ни был, легко быть обойденному в службе, в основном и посвящен трактат «Правила офицеру» [Правила офицеру, 1771, с. 6–7, 13–19]. Общество «красавиц» Мамонов называл «рукодельным местом нежных и благородных чувств», без которого бы «все мужья были варвары и безобразили б свет лютостию и невежеством» [Правила офицеру, 1771, с. 26]. Поскольку женщинам свойственно подмечать смешное, а избежать их «несносного смеха» можно только «осторожным поведением», обращение с ними полезно для исправления нравов. Он написал целую инструкцию, как вести себя с женщинами, где основной рецепт – не самоутверждаться за счет них, а угождать и уступать: «С дамами, котория знакомы, можно не-

*«И на прекрасного М: похож!» Загадка «Сатиры на петиметра»
и «Епистолы к творцу сатиры на петиметров»*

сколько шутить посмелее, но только, чтоб оне во всем вышней имели голос; грубых же разговоров и непристойных слов, что должному почтению вредительно, вовсе не употреблять. А впрочем стараться быть политичным и вежливым; чем кто наиболее по их поступает вкусу, тот наимилее им будет. Истинная политика состоит в том, чтоб самолюбием своим, уступать самолюбию женскаго по́ла» [Правила офицеру, 1771, с. 25]. При этом, учил он, следует соблюдать благопристойность и не поддаваться «своевольству молодых хитростью преисполненных женщин», чтобы не ступить – и тут доносится отзвук риторики прециозной картографии – на «склизкую дорогу» любовного безумия. «Можно учинить себя приятным у красавиц и без того, чтоб не быть влюбленным в них до дурачества: стократно бываем мы ими во всяких случаях обязаны; и не одно обязательство с меньшими трудами и с большею доброхотностию так не исполнится, как оказываемое к ним» [Правила офицеру, 1771, с. 27].

Итак, Мамонов был красив и следил за собою, не доходя, будучи в военной службе, до карикатурных крайностей, сочинял «нежные стихи» о любви и мадригалы красавицам и, как видно, не избегал их, а они не избегали его. Это и вызвало завистливый стих о «прекрасном М.» Ивана Елагина, который, по выражению из эпиграммы «На Балабана» («Но ты, Перфильев сын, на что сатиры клал...»), «сам же... хватал у кокеток всегда юбки», по версии Ломоносова в эпиграмме «Златой младых людей...», поддержанной Барковым, как минимум до вынужденной женитьбы, а по свидетельству В.А. Самсонова, и после имел «слабость к женскому полу». Кумир «бешеных кокеток» естественно уклоняется в «Епистоле» от «немилосердых им эпитетов», заменяет на более милосердный и за тот тут же оправдывается.

«Искусный Жоликер, Просперов победитель» у Елагина не просто парикмахер, но кутюрье («По моде ли в тот день его он нарядил / И мушку на лицо он тут ли прилепил?») и наставник петиметра в искусстве «парижского тона», включая манеру себя вести. Мамонов саркастически упрекает Елагина, что тот увековечил в сатире только Жоликера и Проспера и не упомянул портных Шардона и Сен-Мартина:

Щасливой Желикиор прославлен лишь век ею,
С щипцами над вержетом и с кистью он своею;
Потомкам нашим знаем и мудрым будет слыть,
Что славнаго Проспера умел он победить,

А ты, святой Мартын, гирляндов нашиватель,
За что тебя забыл сатиры сей издатель?
Просперов, Желикіоров он только избирал,
Уш ты зачем, не знаю, с Ш<a>рдном не попал, –

и делает примечание к этим стихам: «Святой Мартын или S<aint> Martin и Шардон¹, оба партныя» (Сел., л. 22). Модные иностранные портные в мамоновской эпистоле перечисляются с таким же знанием дела, как парикмахеры в сатире Елагина.

Французский портной Антуан Шардон (вестимо, Antoine Chardon) упоминается в двух объявлениях в «Санкт-Петербургских ведомостях» об отъезжающих из Петербурга (СПбВ, 28.01.1752, с. 8; 10.08.1753, с. 8), в последнем: «Француз Антон Шардон, портной мастер, да француженка Елисавета Дуваль, намерены отсюда из России за море ехать, чего ради ежели кто имеет до них какое требование, те могут их сыскать в Москве в доме князя Петра Васильевича Хованского». В объявлении 1760 г. о продаже домовых уборов – кружев, гребней, перчаток и т.п. – упоминается француз Сен-Мартин (СПбВ, 31.03.1760, с. 8).

Триггером травли Елагина стало утверждение Ломоносова в эпиграмме, будто сатирик напал на «безсуетной век молодых людей», потому что женился «и для ради того против любви восстал». Это был классический софизм и подмена тезиса (*ignotatio elenchi*), Елагин вовсе не восставал против любви, но авторы эпиграмм принялись его шпетить в том числе за это. Когда Мамонов в «Эпистоле красавице» пишет:

К дурному завсегда то зло кладут на щот,
Кто нравом есть тяжол и страшной есть урод:
Урод есть свету страх, что всех он ужасает;
Но нежный нрав сердца как хошет обращает
[Поэма Любовь, 1771, с. 3–4]², –

¹ В рукописи разнобой: «Шердон» в стихах, «Шардон» в примечании, я его устранил, так как верен вариант из примечания.

² Фрагмент переключается с обращением «К красавицам супругам», предпосланным «Любви Псиши и Купидона», где нападки на любовь объясняются действием ненависти: «Ненависть злейший урод, изверженный на свет изнутри самага тартара, излила яд свой на непорочнейшее увеселение и превратила имя добродетели в имя непристойности, и самое приличнейшее пламя в холодность. Не взирайте, красавицы, на действие ненависти. Ненависти ли знать, что есть

**«И на прекрасного М: похож!» Загадка «Сатиры на петиметра»
и «Епистолы к творцу сатиры на петиметров»**

он, как уже приходилось говорить [Дмитриев-Мамонов, 2019, с. 490], спорит не с абстрактными клеветниками, а продолжает полемическую линию, заданную елагиномахией. «Эпистола к красавицам», как и «Поэма “Любовь”», которой она предпослана, порождены контекстом 1750-х годов, поэтому они выглядели столь анахронично тяжеловесно на фоне стихотворной продукции 1771 г., когда были изданы. «Поэма “Любовь”», де-факто – сборник, первоначально рукописный (свиток с надписью «поэма» изображен на гравюре портрета 1762 г.), вызван к жизни «нежными песнями» и стихами Бекетова, Елагина, Муравьева, Сумарокова и др., а также «Метаморфозами» Овидия и «Психеей» Лафонтена, которые Мамонов тогда же перевел с французского, но написан после них. Во вступлении к «Поэме “Любовь”» Мамонов представляет себя не просто опытным, но уже увенчанным лаврами поэтом, отсылая к своим ранним текстам, которые предстоит опознать:

Купидо нежной Бог вокруг меня летает,
И лиру всю мою цветами убирает,
Давно она уже под лаврами висит,
И око к ней мое давно без страсти зрит.

[Поэма Любовь, 1771, с. 7]

Еще одно косвенное указание на это встречается в пятой песни:

любовь» [Лафонтен, 1769, ч. 1, с. III], но здесь иной полемический таргетинг, а именно – те, кто говорят, «что будто супруге любить супруга есть мешанство и будто неприличность» [там же]. Возможно, Мамонов спорит с либертинскими взглядами, происходящими из книги Никола Шорье «Академия дам» (L'Académie des Dames, 1660, 1680), где Тулия поучает незамужнюю Октавию, которая наивно утверждает, что она будет верна супругу: «Attends, attends encore un peu que tu ayes perdu ton pucelage, & je suis sure que tu changeras bien d'avis, & dans quelques mois le caresses de ton mari te deviendront fades & insipides. On se lasse d'avoir nuit & jour sur soi la même charge, & le changement est pour nous un ragoût piquant; & il y a fort peu de femmes, pour ne pas dire point du tout, qui ne se servent de l'occasion quand elles la trouvent» [Chorier, p. 52] – «А вот подожди маленько, сестрица, когда потеряешь свое девство. Я всеконечно могу уверить, что переменишь голос, и чрез некоторые месяцы замужество твое будет тебе неприятно и мерзко. Наскучит, свет мой, иметь на себе денно и ночью одно все время, а когда переменное иметь, то подобно как нам иметь закуски деликатныя, и зело мало таких жен, которыя б упустили удобный случай, когда прилучится!» [Шорье, л. 32 об.].

Я прежни все часы в сей час воспоминаю,
И став уж Философ другим любить желаю.

[Поэма Любовь, 1771, с. 41]

«Красавицы», которым адресован сборник, – те самые елагинские «бешеные кокетки». Завершающая его «Эпиграмма попугаю» выглядит инородной в ряду из «Эпистолы к красавицам», «Поэмы “Любовь”», «Оды красавице» («Светлые солнца среди лета...») и «Мадригала» («Как ранен в грудь елень стрелу с собою носит...»). Алогизма не будет, – напротив, обнаружится столь ценная Мамоновым симметрия, – если принять, что «тяжелый нравом урод» и «попугай» – это Елагин, «восставший против любви» и обокравший Буало, только претензии эти разделены: первая отнесена во вступление к сборнику, а вторая – в заключение.

Буалоистская дихотомия *le vraisemblable vs le vrai* в «Епистоле»

Специфически мамоновской в «Епистоле к творцу...» представляется манера указывать страницы в цитируемых книгах без указания года издания и писать «лист» вместо «страница»: «Сатиры писатель в похвалу господина Сумарокова точную ту мысль и речи употребил, которая к равному ж употреблению находится в сатире Боаловой “К Мольеру”» (Боаловых трудов том I, лист 30, стих 6); «Смотри в примечании на “Епистолу” Боало к <Расину> (Боалов труд, том I, лист 304)»; «...говорит господин Боал в своем Поэзическом искусстве, смотр.: “Трудов” его том 2, лист 33, стих 146» [Поэты XVIII века, 1972, т. 2, с. 380, 381, 383]¹. Это позволяет установить издание, которое использовалось при сочинении «Епистолы», – собрание сочинений Буало 1746 г. с комментариями гу-

¹ Ср. в предисловии к «Хронологии» (1770) «лист» при ссылках на печатные исторические сочинения, тоже без указания года: [Дмитриев-Мамонов, 2019, с. 259–260]. В «Поэме “Россия”» (1773) уже указываются «стр.» [Дмитриев-Мамонов, 2019, с. 320–322, 327, 340, 350, 354, 355–364, 375–379, 382, 389–390, 394, 396, 402, 412–418, 420–422, 424, 431, 434], в «Богословии» (1775) «лист» при цитировании «Патерика», «Житий святых» и «Следованной псалтири» [Дмитриев-Мамонов, 2019, с. 689, 703, 708–710, 712, 740, 763, 797–798, 802] и «стр.» при цитировании светских книг [там же, с. 720, 768–770, 809–812].

**«И на прекрасного М: похож!» Загадка «Сатиры на петиметра»
и «Епистолы к творцу сатиры на петиметров»**

генота Пьера де Мезо (Pierre des Maizeaux, 1673–1745) и его матери Мари Дюмонтей (Marie Dumonteil, ?–1723)¹.

Сведения для ремарки 2-й – «Николай Боал господин Деспро, знатной французской сатирик, которой в жизнь свою ничево нежного не писал, фамилии в Париже и людей приказных весьма старинной, родился 5 декабря 1636 году» (Сел., л. 18), – Мамонов берет из статьи П. де Мезо «Жизнь г-на Буало Депрео» (1712). Рассказывая об отце Буало, де Мезо цитировал Луи Дюпена (Louis Ellies-Dupin, 1657–1719): «Mr. Boileau <...> Docteur en Théologie de la Faculté de Paris, de la Maison & Societé de Sorbone, issu d'une ancienne famille de Paris considerable dans la Robe, Fils d'un Greffier de la Grand Chambre du Parlement...» [Boileau, 1746, t. 1, p. 5] – «Г-н Буало <...> доктор богословия Парижского университета, из дома и общества Сорбонны, происходил из старинного парижского рода, влиятельного в юридической среде, сын грефье (судебного писаря. – М. О.) Большой палаты Парламента...». Число, месяц и год рождения Буало в источниках варьировались, в дрезденском издании в разных местах названы четыре разные даты: 16 марта 1635 г. в цитате из Дюпена [Boileau, 1746, t. 1, p. 6]; 5 декабря 1636 г. в статье де Мезо со ссылкой на не изданную еще «Похвалу г-ну Депрео» (*Eloge de M. Despréaux*) Клода Гро де Боза: «...родился в Париже пятого декабря 1636 года» [Boileau, 1746, t. 1, p. 10]; 1637, который рассчитывается из упоминаний самого Буало о своем возрасте [Boileau, 1746, t. 1, p. 10–11], и 1 ноября 1636 г. в сноске Дюмонтей к авторскому предисловию («*Comme c'est ici vraisemblablement la dernière...*»), написанному Буало в 1701 г. [Boileau, 1746, t. 1, p. XXVII], последняя принята сейчас в биографиях Буало. Мамонов выбирает версию де Боза – де Мезо и с характерным для себя элитаризмом намекает, что в семье юристов («*dans la Robe*») не могут произвести ничего «нежного».

Уличив Елагина в покраже стихов из Буало, он принимается судить текст с позиций буалоизма: «Ревность показаться, а не ругать, / Вооружила истину стихом сатирическим». Так в ремарке 9 переводятся стихи Буало из «Поэтического искусства» (*Art poétique*, 1674): «*L'ardeur de se montrer, et non pas de médire, / Arma la Vérité du vers de la satire*», т.е. задача сатиры не обругать, а показать истину. Эту мысль Мамонов перифразирует и развивает в

¹ В некоторых источниках – Магдален (Magdeleine). Фамилия обычно, в том числе в этом издании, пишется Du Monteil, но сама она ее писала слитно. См. о ней: [Almagor, 1989, p. 1, 245].

собственных стихах: «Не злобою что дышит сатир, браня пороки, / Но к обществу любовь чертит полезны строки»¹.

Пассаж об истине, вооруженной сатирой, комментаторы рассматривают в свете буалоистской дихотомии правды и правдоподобия: «Le vrai peut quelquefois n'être pas vraisemblable» («Правда не всегда бывает правдоподобной»)². По Буало, «le vraisemblable предпочтительнее и действительнее, чем le vrai», предполагает «эстетическую дистанцию и нравственную корректировку истории, *prisée au juste* достигаемые за счет фикциональности правдоподобного» (“*esthetic distance and a moral correction of history ‘prisée au juste’ achieved by the fictionality of vraisemblance*”) [Wood, 1978, p. 251–252]. Классицисты считали, что правдоподобие, стремление ухватить «универсальные свойства вещей», может быть даже испорчено «частным» и «материальным», и именно правдоподобие, а не правда «дает урок морали» [Пахсарьян, 2008, с. 78–79]. Мамонов, хотя не употребляет термина, требует от Елагина правдоподобия:

Лишь дела непристойным старайся не тягчить,
Но саму только важность очам всем предложить.
Звать силфов к <ка>блуку в сатире не пристало,
Те вымысл<ы> лишь лире <нам?>³ стихотворство дало.
Пространно ль писать хочешь, писать о чем здесь есть,
Представь ты в петимetre безбожность, трусость, лезть.
Все важнее кудрей, хотя и те пристойны,
Но нужней истреблять, вреда что суть преполны.
А ты в своей сатире лишь лехкость избирал,
Лепил на лиц<a> мушки и кудри прижигал,
Важнейшия забыв, убрал его в чулочки
И, Поппа убажая, искал, где те божочки.

(Сел., л. 21–21 об.)

Сатиры пишут для исправления нравов и искоренения дурных страстей: чтобы обличить петиметра, учит Мамонов, надо показать пороки, а не перечислять украшения, последние правдивы,

¹ Ср. о навыке писать стилем: «Железом мысль чертить что в древность был навук» [Дмитриев-Мамонов, 2019, с. 348].

² О популярности этой дихотомии в классицистических поэтиках XVII в. см.: [Пахсарьян, 2008].

³ В рукописи: «Те вымысли лишь лире стихотворство дало», а не «ты», как прочли публикаторы.

**«И на прекрасного М: похож!» Загадка «Сатиры на петиметра»
и «Епистолы к творцу сатиры на петиметров»**

но не правдоподобны, поскольку ничего не говорят о нравах. Мамонов, как было видно, придавал большое значение заботе о внешности, но щегольство осуждал и себя щеголем не считал. Под «безбожностью» петиметра он, вероятно, имеет в виду манеру божиться и чертыхаться и общую непатриархальную развязность ума, под «лестью» – взаимно лживые салонные похвалы, под «трусостью» – возможно, страх оказаться назади мод или приторно-феминизированное поведение; свойственное «женам» в «мужах» он последовательно критиковал. Елагину, строго говоря, все три «порока» удалось реифицировать и показать через «правду», но урок морали он из них толком не вывел. Главное, на что Мамонов пытается тут намекнуть, что все эти качества абсолютно не свойственны ему, Мамонову, несмотря на лоск и стремление «учинить себя приятным у красавиц». Это как раз тот случай, когда «правда» (материальное) наносит ущерб «правдоподобию»: Елагин поставил его на одну доску с петиметрами, пусть в представлении кокеток, поскольку сосредоточился на «легкости» и не поднялся до «важности». Мамонов не отрицает роли *vrai* («...хотя и те пристойны»), но призывает смотреть на суть вещей («Но нужней истреблять вреда что суть преполны»), а в сути он сближается с собратом по масонской секте М.М. Щербатовым: стремление украшать себя – «страсть безвредная другим» («Защитение петиметра»), с оговоркой, что в украшениях нужны мера и правила вкуса.

Все это очень близко анонимно пущенной в публику эпиграмме «Коль Феб тебе сквозь гром, с небес сам говорил...». Это был ответ на похвальные «Стихи на епистол И.П.Е<лагина>» («Какой ужасный крик и вопль мой дух пронзает? / Какой есть сей народ Елагина ругает...»). В части буалоистского арбитража и критики *vrai* в ущерб *vraisemblable* эпиграмма выглядит как конспект мамоновской «Епистолы»:

Прочтя его стихи, то, чаю, скажет всяк,
Несходство их довольно с Боаловыми видно;
Одне хвалы достойны, другие же противно:
Наряды лишь бранят, за важну страсть считая –
И ленту кто милует, ту к шпаге прицепляя.
Не чаю, чтоб Боал о лентах рассуждал;
Важнее есть пороки, кой он осуждал.
Хоть двести крат кричи «уж ужась как мила!»,
Его та беспокоить нимало не могла.

Но наш сатирик слабой нам только описал,
Как славный Жоликиор Проспера побеждал,
Как, в зеркало глядясь, кто мушку налепляет;
Он, все оставя страсти, лишь щоголя ругает.

[РС, с. 33] ср.: [Поэты XVIII в., 1972, т. 2, с. 391]

О китайском императоре и мышах

Печатный дебют Мамонова датировался 1769-м – годом издания «Психеи» с «Дворянином-философом», а также «Свиньи в лисьей коже» в составе кургановского «Письмовника». Тезис о позднем – уже «в зрелом возрасте», после 40 лет, – вступлении Мамонова в литературу, сформулированный впервые М.Н. Лонгиновым и повторявшийся разными любителями «мысли взять других», выглядел нонсенсом: ни один графоман не смог бы терпеть так долго. Я объяснял это недоучетом рукописной литературы, теперь понятно, что была и анонимная печатная, по малой мере, артефакт, зафиксированный В.С. Сопиковым, переехавшим в Петербург в 1789 г., и ставший дезидератой.

«Епистола к творцу сатиры на петиметров» вышла без указания автора, функцию подписи выполнял фрагмент о «неназначенном М.», но, думается, современники в Петербурге узнали по ней Мамонова, как по ступени Геркулеса, как выразился в подобном случае В.К. Тредиаковский. Текст был тяжелым и не самым копируемым, пока заметок о нем или следов полемики с ним не обнаружено, – хотя позитивисту, а не метафизику найти их было бы много приятнее, чем писать все вышеизложенное, – формально атрибуция остается гипотезой, не расходящейся с фактами.

По Мамонову, необязательно видеть вещь, чтобы убедиться в ее существовании, достаточно нашего «справедливого», т.е. непротиворечивого рассуждения, основанного на производимых ею следствиях: «Когда человек не может далее распростерть свое рассуждение, как токмо над тем зраком, что имянно утверждают его пять чувств, такому тщетно будет толковать, что есть в свете китайцы, и у них есть император; ибо непонятный смысл не видит глазами того императора, не слышит, как он говорит. Однако многие из нас в том нимало не сомневаются, что в самом деле в свете есть китайской император. Тем наипаче, что мы ему чувствительно обязаны, ибо все наши китайские уборы и вещи и самый толь полезный для нас чай не имели бы мы, ежели бы он не позволил быть вывозу всему оному. Итак, хотя мы сами не видали ки-

тайского императора и не увидим его никогда, однако подлинно знаем, что он есть; причина которая нас в том уверяет, есть справедливый о том слух, учение и наше справедливое о том рассуждение, или философствование. Паче же, что и делами с ним сообщены» [Дмитриев-Мамонов, 2019, с. 724]. Итак, хотя мы сами не видали атрибутирующих заметок современников и, возможно, не увидим их никогда, в самом тексте «Епистолы к творцу...» есть много того, что мог написать именно Мамонов, и нет ничего, что бы он написать никак не мог.

В финале эпистолы автор предрекает елагинской сатире будущее – валяться в лавках в «вечной пыли» и служить кормом для взбешенных голодом мышей. Пуант подсказан третьей песней «Поэтического искусства», где описывается груда творений незрелого поэта, которая в магазине «печально борется с червями и пылью» («*Combattent tristement les vers & la poussière*») [Boileau, 1746, t. 2, p. 62]. Зачем понадобилось сочинять и печатать на свой кошт столь пространную критику столь низко ценимого им сочинения, удовлетворительно объясняется желанием ответить на выпад против «прекрасного М:».

Список литературы

Источники

1. [Гартунг И.М.] Мешенина катоноскарроническая, сочинение периодическое в стихах, выходящее в свет для забавы покровителей наук, знатоков и охотников. – Санкт-Петербург, 1773. – В Генваре. – 32 с.
2. *Дмитриев-Мамонов Ф.И.* Дворянин-философ: «Известия», рукописные книги, медали и «системы» (1770–1780) / с мат. к его биогр. и коммент. М.Ю. Осокина. – Москва: Б.С.Г.-Пресс, 2019. – 1224 с., ил.
3. Поэма Любовь – [Дмитриев-Мамонов Ф.И.] Поэма Любовь. С.А. Дворянина-Философа. – [Москва]: Печатана при Императорском Московском Университете, 1771. – 80 с.
4. Правила офицеру – [Дмитриев-Мамонов Ф.И.] Правила, по которым всякой офицер следуя, военную службу с полным удовольствием продолжать может. – [Москва]: Печатаны при Императорском Московском Университете, 1771. – 31 с.
5. Эпистола генерала – [Дмитриев-Мамонов Ф.И.] Эпистола от генерала к его подчиненным, или Генерал в поле с своим войском, / изданная сочинителем аллегории Дворянина-философа. – [Москва]: Печатана при Императорском Московском Университете, 1770. – 32 с.
6. *Кантемир А.Д.* Собрание стихотворений. – Ленинград: Советский писатель, [Ленинградское отделение], 1956. – 545 с. – (Б-ка поэта. Бол. сер.).
7. [Куник А.] Сборник материалов для истории Императорской Академии наук в

- XVIII веке / издал А. Куник. – Санкт-Петербург : у комиссионеров Имп. Акад. наук, 1865. – Ч. 1–2. – 530 с. – Нумерация сквозная.
8. [*Лафонтен Ж. де.*] Любовь Псиши и Купидона : [в 2 ч.] / пер. с франц. [Ф.И. Дмитриевым-Мамоновым]. – [Москва] : Печатана при Императорском Московском университете, 1769. – Ч. 1. – С. 1–88 ; Ч. 2. – С. 89–216.
 9. Поэты XVIII века : в 2 т. / сост. Г.П. Макогоненко и И.З. Сермана. – Ленинград : Советский писатель, Ленинградское отделение, 1972. – Т. 1 / подгот. текста и примечания Н.Д. Кочетковой. – 623 с. ; т. 2 / подгот. текста и примеч. Г.С. Татищевой. – 588 с. – (Б-ка поэта. Бол. сер.).
 10. [*Сопиков В.С.*]. Опыт российской библиографии, или Полный словарь сочинений и переводов, напечатанных на Славенском и Российском языках, от начала заведения типографий, до 1813 года <...> / собранный из достоверных источников Васильем Сопиковым. – Санкт-Петербург : в тип. Имп. театра, 1815. – Ч. 3 : Е–Н. – 475 с.
 11. [*Сумароков А.П.*] Полное собрание всех сочинений : в стихах и прозе, / Покойного действительного статского советника, ордена св. Анны кавалера и Лейпцигскаго ученаго собрания члена, Александра Петровича Сумарокова. Ч. 10. [Разныя прозаическия сочинения и переводы. Наставление младенцам. Мораль, история и география]. – Москва : Унив. тип., у Н. Новикова, 1782. – [56], 248 с.
 12. [*Шорье Н.*] Разговоры академические Тулли с Октавию // Гистория о Жебукоре и Орамире. Разговоры академические Тулли с Октавию. ОР РГБ. Ф. 152. № 43. трет. четв. XVIII в., Л. 10–45.
 13. [*Boileau N.*]. Oeuvres de M. Boileau Despréaux avec des éclaircissemens historiques donnees par lui-meme. Nouvelle edition / par Mr. Des Maizeaux. – A Dresde : Chez George Conrad Walther, 1746 [MDCCXLVI]. – Т. 1–2.
 14. [*Chorier N.*] L'Académie des Dames. – À Venise : chez Pierre Arretin, 1700. – 420 p.

Исследования

1. *Берков П.Н.* Ломоносов и литературная полемика его времени : 1750–1765. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1936. – 324 с.
2. *Заборов П.Р.* Русская литература и Вольтер. XVIII – первая треть XIX века. – Ленинград : Наука, 1978. – 251 с.
3. *Западов В.А.* Державин и русская рифма XVIII в. // XVIII век. Сб. 8. Державин и Карамзин в литературном движении XVIII – начала XIX века. – Ленинград : Наука, 1969. – С. 54–91.
4. *Клейн И.* Пути культурного импорта. Труды по русской литературе XVIII века / [пер. с нем. и англ. Е.Д. Матусовой, М.Ю. Шульман, Н.Ю. Алексеевой]. – Москва : Языки славянской культуры, 2005. – 576 с.
5. *Мартынов И.Ф., Шанская И.А.* Отзвуки литературно-общественной полемики 1750-х годов в русской рукописной книге (Сборник А.А. Ржевского) // XVIII век. Сб. 11. Н.И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. – Ленинград : Наука, 1976. – С. 131–148.
6. *Пахсарьян Н.Т.* Понятие «правдоподобие» во французской поэтике // Литературоведческий журнал. – 2008. – № 23. – С. 77–83.

**«И на прекрасного М: похож!» Загадка «Сатиры на петиметра»
и «Епистолы к творцу сатиры на петиметров»**

7. [Покровский В.И.] Щеголи в сатирической литературе XVIII века // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1893. Книга вторая. [Т.] 205. Отд. 3. Исследования / изд. под заведыванием Е.В. Барсова. – Москва, 1903. – С. 1–140.
8. Серман И.З. Из литературной полемики 1753 года // Русская литература. – 1964. – № 1. – С. 99–104.
9. Серман И.З. Поэтический стиль Ломоносова. – Москва ; Ленинград : Наука, 1966. – 260 с.
10. Симанков В.И. Д.И. Фонвизин как «российской Боало» : к истокам одной номинации в сатирических журналах Н.И. Новикова. – [2019, препринт]. – С. 1–27. – URL: <https://www.academia.edu/41122351> (дата обращения: 03.01.2024).
11. Словарь русских писателей XVIII века. – Ленинград : Наука, 1988. – Вып. 1. – 356 с.
12. Ушаков В.Е. Акцентные варианты слов в поэтических произведениях М.В. Ломоносова // Slavia Orientalis. – 1979. – № 2. – С. 241–248.
13. *Almagor J.* Pierre des Maizeaux (1673–1745), journalist and English correspondent for Franco-Dutch periodicals, 1700–1720. – Amsterdam ; Maarssen : Apa-Holland univ. press, 1989. – [XII], 290 p.
14. *Boussuge E.* Situations de Fougeret de Monbron (1706–1760). – Paris : Honoré Champion, 2010. – 760 p. – (Les dix-huitièmes siècles).
15. *Wood A.G.* The *Regent du Parnasse* and *vraisemblance* // French forum. –1978. – Vol. 3, N 3. – P. 251–262.